

НАРОДЫ СССР

В. Н. Белицер. *Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу*. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия, т. X, М., 1951.

Народная одежда — богатейший исторический источник, который характеризует не только творчество народа, его искусство, эстетические потребности и вкусы, но и исторический процесс. Сложившиеся в основных своих частях в глубокой древности, формы народной одежды и ее орнаментация не оставались неизменными. На длительном историческом пути они видоизменялись под влиянием внутреннего процесса развития общества и культурных взаимосвязей с соседями.

В этнографической литературе можно найти немало работ, посвященных исследованию одежды. Однако большинство этих работ носит чисто описательный характер или посвящено семантике орнаментальных мотивов одежды. К разрешению проблемы этногенеза одежда и ткани почти никогда не привлекались.

В рецензируемой книге анализ одежды и ее орнаментация дается на фоне исторического хода процесса формирования удмуртского народа, выяснения его этнического своеобразия, связей с окружающими народами и установления тех компонентов, которые участвовали в сложении удмуртов. Таким образом, эта работа вводит в научный обиход новый, хорошо истолкованный, исторический источник.

Положительной стороной работы является исчерпывающее привлечение материала не только этнографического, но и археологического. В первой главе автор анализирует элементы одежды, найденной археологами, и дает характеристику этнографических коллекций, как хранящихся в собраниях наших музеев, так и добытых в экспедициях самим автором.

Вторая глава знакомит с техникой изготовления материала — прядением и ткачеством, обработкой кож животных, валяльным производством, изготовлением лыковой обуви. Основные главы книги посвящены женской одежде, головным уборам, украшениям, комплексам женской одежды, мужской одежде, одежде бесермян, тканому и вышитому орнаменту.

Во всех главах работы автор выявляет своеобразие удмуртской одежды и элементы, общие с соседями, что является результатом культурных взаимосвязей или объясняется общностью происхождения. Автор все время обращается к археологическому материалу, прослеживая в нем корни удмуртской культуры. Так, в главе второй «Техника изготовления материала», благодаря использованию археологических данных, автор выявляет в этнографическом материале более древние и более новые компоненты. Это убедительно сделано в отношении мялок для обработки растительных волокон, прялок и ткацких станков. Подчеркнуто и русское влияние на удмуртов. Следует, однако, заметить, что ткацкий станок, описанный Палласом во второй половине XVIII в. и сохранившийся почти без изменения до Великой Октябрьской революции (стр. 24), несомненно, более примитивен, чем станок, остатки которого найдены в раскопках Донды-Карского городища X—XII вв., на что автор не обратил внимания. Почему-то при характеристике обработки кож животных не привлечен археологический материал, а он известен начиная с эпохи ананьинской культуры и кончая памятниками X—XIV вв. Следовало бы дать более подробную характеристику удмуртских лаптей и указать их отличие от марийских, мордовских и татарских. Отличается ли удмуртский лапоть только тем, что имеет острый приподнятый носок треугольной формы, напоминающий носок сапога, или и другими качествами?

Анализ женской одежды начинается характеристикой богатого женского погребения из могильника Чем-шай, принадлежащего удмуртке IX—XI в. Автор впервые публикует реконструкцию этого костюма из собрания Государственного Исторического музея в Москве. Указывая, что этот древнеудмуртский костюм отличается от костюма мари того же времени, известного по могильнику Бигер-шай, автор, к сожалению, не раскрывает, в чем же состоит это отличие, и для читателя оно остается неясным.

Подробнее рассмотрена одежда XVIII—XIX и XX вв., более точно установлена ее форма, области распространения, возрастная и социальная принадлежность.

В. Н. Белицер, несомненно, права, утверждая, что туникообразная рубашка удмуртов является наиболее старинной формой одежды и была связана у удмуртов с местными древними традициями, что находит подтверждение в археологическом материале. Она приводит аналогии этой одежде у других народов Поволжья — мари, мордвы и чувашей. Но, определяя широкое распространение этого типа рубашки от Прибалтики до Средней Азии и указывая, что эта одежда сохраняет для каждого народа своеобразные особенности в расцветке, характере отделки и орнаментации, автор не раскрыл этого своеобразия в отношении удмуртов.

Интересные соображения приведены относительно других типов рубашки, которые определяются хронологическими и локальными особенностями. Повидимому, автор прав, считая юбку поздним явлением в женском костюме. Во всяком случае в археологическом материале, даже сравнительно позднем, там, где можно проследить одежду женщины, юбки нет.

Автор привел ряд интересных соображений при разборе женских вышитых нагрудников. Однако едва ли можно согласиться, что более ранние образцы вышивались серебряными и золотыми нитями. И по технике изготовления, и по характеру орна-

мента нагрудники этого типа не древнее XIV в., как можно судить по археологическим данным. Орнамент нагрудников, изображенный на рис. 19, имеет аналогии в более раннем археологическом материале.

В. Н. Белицер на материале женской одежды убедительно показала элементы, возникающие в различные исторические эпохи под влиянием соседей, и более древние, восходящие ко времени I тысячелетия до н. э. Так, анализируя камзол с длинными рукавами, возникновение которого когда-то исследователи объясняли влиянием польского или немецкого костюма XIV в., автор на основании сопоставления с деталями скифского костюма, относит его появление в Прикамье к скифскому времени. Это в полной мере соответствует выводам археологов, историческим данным, исследованиям антропологов и языковому материалу. Связь со скифским миром подчеркнута и другими формами одежды — высоким головным убором с орнаментальным мотивом конских голов, распространенным в южных частях Удмуртской АССР. В отношении женской одежды автором достаточно убедительно выявлены древние компоненты и заимствования от соседей — марийцев, башкир, татар и русских.

Так же подробно освещены и головные уборы. Автор выявил локальные своеобразия этой части одежды, сходство с головными username username соседних народов и своеобразия удмуртских.

Однако несколько неясной остается трактовка происхождения такьи. Автор считает аналогией ей шапочку из могильника Чем-шай и вместе с тем утверждает, что головной убор типа такьи развился из шлема, который служил головным убором степняков-кочевников Европы и Азии и использовался ими во время войны. Позже этот вид головного убора проник к населению, жившему на стыке лесной и степной зоны и был распространен в наиболее зажиточных слоях деревни.

Отмечая, что имеющийся материал позволяет связывать происхождение такьи со шлемовидными головными username username, автор пишет, что куполообразные шапки-шлемы были известны у монголов (стр. 57). Нельзя не заметить хронологического разрыва в триста лет между шапочкой могильника Чем-шай IX—XI вв., с которой справедливо связывает автор современную такью, и монгольским шлемом. Едва ли широкие аналогии, приведенные в данном случае, помогают разрешению вопроса о происхождении такьи. Сферические шапочки, облегчающие голову, известны на значительном пространстве Евразии. Их можно указать в археологическом материале первых веков Средней Азии, а также в Прикамье, где они встречаются в ломоватовской культуре VII—IX вв. Такого же типа шапочки изображены на каменных бабах Восточной Европы, подавляющая часть которых датируется VII—X вв. н. э.

Ряд соображений, высказанных автором в данной главе, показывает, что этот тип головного убора имеет очень древнее местное происхождение. В частности, об этом достаточно убедительно говорит то, что термин такья осмысливается удмуртами, как петушиный гребень. Автор прав, усматривая в этом аналогичное сопоставление женских головных username username и птиц, наблюдаемое у многих соседних народов.

Много дает для выяснения проблемы этногенеза анализ других женских головных username username, а также прически. Следует согласиться с автором, что айшон замужних удмурток связан с головным убором скифских женщин, известным, в частности, по пластинке из кургана Карагодеуаш. Но едва ли правильно связывать головной убор «подургу» с шапочкой могильника Чем-шай.

Хотелось бы отметить, что покрывало сюлык из тяжелой парчевой ткани с растительным орнаментом, распространенное среди удмурток Марийской и Башкирской АССР, необходимо отнести к влиянию татар.

К сожалению, очень мало остановился автор на характеристике обуви, не указав, и здесь, чем отличаются лапти удмуртов от подобной обуви соседних народов и русских.

В главе, посвященной анализу украшений, автор тоже обращается к археологическим данным. Но, к сожалению, привлекая материал могильника Чем-шай, В. Н. Белицер не отметила наблюдений профессора Казанского университета И. Н. Смирнова над поздними могильниками удмуртов XVII—XVIII вв., резко отличающимися от более ранних бедностью металлических украшений. Это наблюдение подтвердилось и более поздними археологическими исследованиями советского периода. Если сравнить материал могильников типа Вуж-шай, датируемых XVIII—XIX вв., с материалом X—XI вв., то эта разница резко бросится в глаза. Нельзя не заметить, что среди поздних украшений очень мало типично удмуртских; большинство их принадлежит к привозной продукции. Это отмечает и автор (стр. 71), указывая, что центром изготовления металлических украшений в XIX—XX вв. была Рыбная слобода (ныне Лаишевский район, Татарской АССР), откуда торговцы-татары развозили готовые изделия в самые отдаленные районы. В этом отношении татары продолжали традицию волжских болгар, торговавших с древними удмуртами. Отличие, однако, заключается в том, что поздние удмуртские украшения, в частности, изображенные на рис. 37, все представляют продукцию татарских ремесленников, в то время как в X—XI вв. болгарские и среднеазиатские привозные украшения были в меньшинстве.

Нельзя согласиться с интерпретацией привески — демдора (фиг. 3 на рис. 72). Изображение всадника, окруженного бегущими животными, должно быть сопоставлено с изображениями охоты на сасанидских блюдах, во множестве находимых на территории Приуралья. Автор не прав, утверждая, что конь всадника попирает нога-

ми пресмыкающихся и каких-то других животных. Расположение фигур бегущих животных не дает никаких оснований делать подобный вывод. Неверно сопоставление рисунка на данном демдоре с изображениями всадников, сидящих боком на конях, встречаемых в археологических материалах V—X вв. и в более ранних культурах на территории Прикамья. Этот мотив ничего общего не имеет с опубликованным демдором.

Глава «Костюмные комплексы в женской одежде» наиболее интересна для решения вопроса этногенеза удмуртов. Здесь определены северный и южный локальные комплексы. Первый имеет ряд своеобразных черт, свойственных только северному удмуртскому костюму, и элементы, сближающие его с одеждой луговых мари, мордвы-эрзи, некоторых групп чувашей, а также южных коми. Второй комплекс, распространенный в южных районах Удмуртской АССР, сохраняет, как убедительно показал автор, древние культурные элементы, восходящие к эпохе ананьинской культуры I тысячелетия до н. э., когда местные племена находились под влиянием скифо-сарматской культуры, и более поздние — татарские, бытование которых объясняется территориальной близостью удмуртов и татар. Определены и два других комплекса, представляющие варианты первых двух.

Отметил автор и элементы одежды, характеризующие принадлежность к различным возрастным группам. Достаточно полно отмечены в книге черты костюма, общие с одеждой мордвы, мари, чувашей, бесермян и даже татар. Это объясняется, по мнению автора, общностью происхождения, культурной близостью, одинаковым уровнем хозяйственного развития, одинаковыми природными условиями. Все эти народы были жителями лесной полосы, у всех у них земледелие вначале было подсечное, они возделывали примерно одни и те же культуры, а дополнительными занятиями для них служили лесные промыслы и разведение домашних животных (стр. 85).

В данном случае следовало бы отметить, что эти общие черты появляются с первых веков н. э. на значительной территории Среднего Поволжья и Прикамья, в то время, когда на этой территории складывается союз племен. Именно тогда возникло много общих черт среди украшений различных племен, населявших области от нижней Оки до средней Камы. Сходство форм земледельческих орудий, повидому, объясняется общими природными, в частности почвенными условиями. Но едва ли этот фактор может объяснить сходство орнаментальных мотивов и форм отдельных частей костюма. Скорее всего, в этом отношении сыграло большую роль политическое объединение, каким был союз племен первых веков н. э.

Касаясь культурных связей с другими народами, автор правильно определил культурное влияние скифо-сарматского мира, но, к сожалению, не остановился на влиянии аланских племен, которые в эпоху Хазарского каганата захватили в сферу своего влияния все Среднее Поволжье и Приуралье. Автор отмечает, что в развитии женского удмуртского костюма особенно большую роль сыграла русская культура, русский народный костюм. Однако, не мешало бы проследить это влияние не с конца XVI в., а указать и древнюю Вятку, основанную новгородцами, о чем говорит «Вятский летописец», дошедший до нас в ряде поздних списков XVIII—XIX вв. В этом документе описан поход новгородцев по Каме, Чепце и Вятке через земли удмуртов.

Интересен анализ и мужской одежды, данный в следующей главе. Детальный анализ большого материала позволил автору выделить два комплекса: северный и южный, соответствующие двум женским группам.

Интересно, что в северном костюме сохранились элементы, связанные с северной, лесной, охотничьей культурой, а в южном элементы скотоводческие — степенные. Автор особо подчеркнул, какую большую роль в развитии мужской одежды удмуртов сыграло многовековое общение с русским народом и его культурой. Хотелось бы отметить, что конусообразные шляпы, распространенные среди удмуртов Башкирской, Марийской и Татарской АССР, напоминающие головные уборы казанских татар, должны быть сопоставлены с коническим головным убором воина, изображенного на могильной плите из Ананьинского могильника.

Вполне обоснованно автор выделил в отдельную главу одежду бесермян, живущих в пределах Удмуртской АССР. Вопросу о происхождении бесермян посвящено немало исследований. Одни исследователи считали бесермян потомками булгар, попавших в среду финского населения, другие — отатарившимися удмуртами, третьи — остатками угров, которые населяли некогда Приуралье, а затем ушли в Венгрию, где есть маленький мадьярский городок Бессермен. Высказывалась мысль о близости слова бессермен с биармией и многое другое. Тщательный анализ позволил автору убедительно выделить комплексы мужской одежды, один древнейший, второй близкий костюму удмуртов и третий, получивший распространение только в последнее время. Особенно интересен анализ женской одежды бесермянок, в которой вскрыт ряд наслоений. Положение, к которому приходит автор, выделяя общие с костюмом удмурток более древние дотатарские элементы, уходящие своими корнями еще в булгарскую эпоху, весьма убедительно.

В данной работе получила блестящее подтверждение точка зрения, высказанная в свое время И. Н. Смирновым в статье «Бесермяне Вятской губернии». Близость бесермянских головных уборов, покроя одежды и вышивки к чувашским позволила автору прийти к хорошо обоснованному выводу о том, что бесермяне — потомки древнего населения, по всей вероятности, булгарского, жившего в бассейне Чепцы, где

они подвергались культурному воздействию удмуртов и татар, восприняли удмуртский язык, некоторые элементы удмуртской и татарской культуры, сохранив в одежде следы своего болгарского происхождения.

Последняя глава книги «Тканый и вышитый орнамент» дает ясное и четкое представление как о самом орнаменте, так и о технике его изготовления. В этой главе подробно изложены технические приемы орнаментации и узоры, характерные для северной и южной группы удмуртов, а также для бессермян. Автор подробно остановился на геометрическом орнаменте, в частности веревочном, известном на этой территории с I тысячелетия до н. э., и более древнем — зубчатом и точечном. Необходимо, однако, заметить, что важнее было бы определить не столько самые элементы орнамента, распространенные весьма широко, сколько узоры, состоящие из него. Тогда бы автору достаточно было указать на сходство удмуртского узора с ананьинским и более поздним, что отмечено им, в частности, на стр. 122, и не понадобилось бы привлекать орнаментацию народов Ассирии-Вавилонии, Греции и Византии.

Большую ценность для выявления этногенеза представляют стилизованные изображения животных. Автор прав, сопоставляя их с археологическим материалом X—XII вв. Следует согласиться, что трактовка коня в орнаментике удмуртов отражает связи со скифо-сарматским миром.

Выводы, к которым приходит автор, не могут вызвать возражений. Наиболее древними, бесспорно, являются геометрический орнамент и изображения животных. Растительные узоры связаны с влиянием татар, а вернее, булгар XIII—XIV вв.

Тщательный анализ различных элементов одежды, ее орнаментации и технических приемов изготовления позволил автору придти к определенным выводам по этногенезу удмуртов, изложенным в заключительной главе книги.

Убедительно выделяется северный комплекс, связанный с культурой древнего аборигенного населения рек Чепцы и Вятки. Хорошо обрисован второй — южный, комплекс сложившийся на стыке лесной и степной зон, где сильней ощущалось влияние степных скотоводческих культур. Следует поставить в упрек В. Н. Белицер, что вслед за А. В. Збруевой она объединяет Прикамье эпохи бронзы со Средней Азией, степными районами Западной Сибири, Северным Кавказом, Средним и Нижним Поволжьем в одну область древних степных культур (стр. 130). Едва ли можно говорить о том, что влияние бронзовых культур Средней Азии, Северного Кавказа, Западной Сибири было настолько сильно, что сказалось на сложении костюма или его орнаментации. Пожалуй, ошутими только элементы, заимствованные от скифских и сарматских племен и попавшие по наследству от ананьинской культуры. При характеристике удмуртской одежды нельзя пройти мимо большого воздействия булгар и позднее казанских татар.

Подводя итоги своему исследованию по этногенезу удмуртов, автор кратко отметил другие источники, позволяющие проследить процесс этногенеза, археологические данные, различные категории этнографических данных и пришел к хорошо обоснованным выводам о наличии двух комплексов одежды, соответствующих двум диалектам удмуртского языка. Эти два костюма в основном совпадают с территориальными границами племен вятка и келмес. Народная одежда несет в себе, помимо местных, другие черты, связанные с элементами, заимствованными у соседних народов, и отражает длительный исторический путь.

Исследование В. Н. Белицер значительно продвигает вперед изучение этногенеза удмуртского народа и по существу впервые дает историческую интерпретацию удмуртской народной одежды. К этой книге будут обращаться все занимающиеся изучением вопроса этногенеза народов Поволжья и Приуралья.

Книга хорошо иллюстрирована. Особо следует отметить высокое качество цветных иллюстраций, выполненных по рисункам художников Е. П. Пятницкой и Н. А. Юсова.

А. П. Смирнов

Г. С. Маслова, *Народный орнамент верхневолжских карел*, Академия Наук СССР, Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. XI, М.—Л., 1951.

Книгу Г. С. Масловой «Народный орнамент верхневолжских карел» можно считать первой научной работой по орнаменту народов Советского Союза.

Орнаментом русского народа и многих других народностей СССР интересовались и у нас, и за рубежом. Одни проявляли любительский подход, пользуясь небольшим конкретным материалом, они интересовались лишь элементами орнамента, любовались его красками. Другие (например, Геккель, Сирелиус) при обработке этнографических материалов создавали порочные реакционные концепции с националистическими тенденциями, пытались строить эволюционные ряды. Г. С. Маслова противопоставляет метод своих исследований методу буржуазных ученых, касавшихся народного орнамента. Она утверждает: «Развитие искусства определялось конкретно-исторической средой, мотивы орнамента — реальные образы, отражающие действительность».

В основу рецензируемого исследования положен материал, собранный Г. С. Мас-